

А. Шрейдер

**Очерки философии
народничества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Шрейдер**
Очерки философии народничества / А. Шрейдер – М.: Книга по Требованию,
2021. – 156 с.

ISBN 978-5-519-19216-3

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1923 года.

ISBN 978-5-519-19216-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДРУГУ МОЕМУ Е.

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФИИ НАРОДНИЧЕСТВА

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

PROLEGOMENA

1.

ОБ ИСТИНЕ.

1.

Левое народничество не имеет до сих пор цельного и целостного изложения своей философии. Есть только, разбросанные здесь и там, — мысли, слова, построения. Но, вместе с тем, молодое народничество не безлико. Его лицо ясно и отчетливо выступает среди разбросанных в беспорядке, и не собранных еще во-едино элементов.

Нужно только эти элементы собрать. Но по какому плану? Руководствуясь каким критерием?

Нужно понять общий дух народничества. Вот единственный критерий собирания во единое крупиц того мировоззрения, которое начертало на своем знамени лозунг вечной борьбы.

Но как узнать этот «общий дух» мировоззрения?

Герцен советовал когда-то для того, чтобы лучше ознакомиться «со всей историей», не штудировать «без толку сколоченные» факты «всемирной истории», а заняться живым изучением одного какого-нибудь важнейшего периода.¹⁾ Так и в философии. Для того, чтобы узнать всю философскую систему, ее дух, ее облик — достаточно выяснить отношение ее к какому-нибудь одному, но центральному вопросу.

Самые центральные и основные моменты всякого мировоззрения — это ответы на Пилатовский вопрос: «Что есть истина?» и на вопрос: «Что есть справедливость?»

«Что есть истина?»

¹⁾ Письмо к Е. А. и Н. А. Тучковым от 17 октября 1846 г. (Полное собр. соч. под ред. Лемке, т. 5, стр. 251.)

Есть два возможных ответа. Либо она — эта истина — «Ее Величество Истина», межпланетная, всемирная, всеобъемлющая, всемогущая, «и прочая, и прочая, и прочая» . . . Или эту Истину, с большой буквы, и с феодальными титулами, нужно, по слову Н. К. Михайловского, «изгнать из человеческого языка», и все громкие титулы ее заменить скромным определением: «удовлетворение познавательной способности человека» — начать писать с буквы маленькой и признать, что она — истина человеческая, обязательная и реальная лишь для меня, человека, с моими мыслями, заданиями, целями; чуждая, быть может враждебная, быть может безразличная — для «марсиан»; еретическая и ложная в прошлом; быть может, столь же еретическая и не в меньшей мере ложная для грядущего — истина моего человеческого «я», истина полноты и яркости моего бытия . . . Истина, связанная живую связью со всей гаммой моих чувств, и тем более реальная, тем более живая и для меня осязаемая и обязательная, чем больше зависит она от моих переживаний.

Вспоминая о художнике, изобразившем истину в виде обнаженной женщины, с факелом в руках, Н. К. Михайловский пишет: «Факел истины, обнаженной от условностей человеческой природы, не способен осветить даже малейшего пространства, и не ему бороться с окружающим человечеством мраком»¹⁾.

«Во всякую данную минуту, читаем мы далее у Михайловского: — существуют разногласия, различное понимание вещей. Я все таки признаю и не могу не признать истиной то, что удовлетворяет меня, хоть очень хорошо знаю, что природа Петра и Ивана удовлетворяется понятиями, отличными от моих.»

В приведенных словах центральный пункт народничества, как философской системы. В признании истины лишь человеческой, земной и тленной, в противопоставлении ее понятию «Истины», как управительницы и самодержавной властительницы мира — основной мотив всех наших построений.

¹⁾ Н. К. Михайловский: «О жажде знания» (Залиски профана III) по изд. 1861 г. Т. III, стр. 68.

2.

Последняя, и, пожалуй, пока единственная, попытка дать цельный и полный очерк мировоззрения молодого народничества, — «краткий набросок» Д. А. Магеровского¹⁾, который, орудуя терминологией и элементами нашего мировоззрения, искажает его до неузнаваемости и придает ему безжизненные формы нео-платонизма с помесью Гуссерльской «логистики».

Д. А. Магеровский, как всякий «хороший ученик», во всем несколько *plus royaliste que le roi*. Он особенно заостряет углы, и там, где у учителей его — от Гуссерля до С. Франка — еще только вопрос — у него уже окончательное решение. Это облегчает спор, так как спорные вопросы вырисовываются более выпукло.

Особенно любопытны для нас сейчас страницы книги Д. А. Магеровского посвященные вопросу об истине.

Прочитав их мы должны будем убедиться, что только по недоразумению их автор мог причислять себя к народникам — ничто не может быть более чуждо нашему мировоззрению, чем заимствованные Магеровским у немецких «идеалистов» определения.

«Истина, которая нам является при созерцании предмета, пишет Д. А. Магеровский, является независимой от наших переживаний и наших чувств. Эта истина является неизменной и для прошлых поколений и в моем переживании настоящего момента, и моментов последующих, когда жизнь моего существа будет окрашена совершенно иными психическими элементами и мотивами²⁾, и все же эта истина не может превратиться в нечто противоположное себе, она лишь может развиваться (формула $2 \times 2 = 4$ не может превратиться в $2 \times 2 = 5$, а лишь в ней мы можем раскрыть

¹⁾ Д. А. Магеровский «Революционное мировоззрение» (краткий набросок М. 1918 г., изд. «Революционный социализм»).

²⁾ Sic! Курсив наш. А. III.

общие законы умножения.) — Эта истина была, есть и будет; эта Истина не уничтожится, если даже весь род человеческий погибнет, если силою падения какой-нибудь планеты на нашу землю, земной шар расплавится, сгорит, и погибнет весь род человеческий. Истина — дважды два — четыре — от этого еще не перестанет быть Истиной и для марсиан, для жителей любой планеты — она — Истина, которой подчиняется все мироздание и все бытие» (op. cit., стр. 13-я)¹⁾.

Подобный фетишизм в основе чужд тому мировоззрению, которое во главу своих построений ставит не абстрактные принципы, а интересы реальной человеческой личности.

И нам, разумеется, гораздо ближе современника Гуссерля Давид Юм, который уже сто восемьдесят лет тому назад знал, что «необходимость, заставляющая дважды два равняться четырем, или же три угла треугольника — быть равными двум прямым углам, лежит исключительно в акте нашего ума, в акте, с помощью которого мы рассматриваем и сравниваем данные идеи.» («Трактат о человеческой природе», кн. I «Об уме» пер. Софии Церетели, Юрьев, 1906 г., ч. III, гл. XIV, стр. 158.)

Для народничества всегда было аксиомой, «что идеальные сущности, с их надвременным, и потому как бы вечным бытием — самые преходящие, самые бранные сущности». Мы ясно отдаем себе отчет в том, что математические формулы, как и всякие иные, только формы, только символы, живое содержание в которые вливает человеческое сознание. Ведь и единица равна единице лишь при общем основании, и двойка при восьмеричной или двенадцатичной системе будет меньше или больше привычной для нас двойки системы десятичной и потому, разумеется, «и старое $2 \times 2 = 4$ не может существовать, если нет человеческого сознания, выдумавшего и единицу, и 2, и 4, и то правило умножения, по которому из множимого, составляется произведение, как множитель составлен из единиц» . . .²⁾

¹⁾ Ср. у Гуссерля «Логические исследования» т. I пер. под ред. Франка стр. 130: «Если бы исчезли все тяготеющие друг к другу массы, то этим бы не был уничтожен закон тяготения, он остался бы только без возможности практического применения. Он, ведь, не говорит ничего о существовании тяготеющих масс, а только о том, что присуще тяготеющим массам, как таковым.» См. также стр. 165, где говорится о « $2 \times 2 = 4$ », как о «счете и тождестве», «высказывании in specie», в противовес «высказыванию, как переживанию временному».

²⁾ Л. Шестов «Memento mori». Вопр. фил. и психол. 1907 г. кн. IV—V (139—140) стр. 43.